

Арлекин

Меня всю ночь промучил сплин...
Передо мной, к стене прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висел бумажный арлекин.
Едва хочу я позабыться
Вдруг арлекин зашевелится,
Начнет приплясывать, моргать
И точно хочет что сказать.
Я ободрил его. Он начал:
У вас мне просто нет житья.
Здесь для детей забава я,
А то ли я в Европе значил?
Там все уж знают и твердят,
Что нынче век арлекинад.
Мы маскируемся, хлопочем,
Кутим, жуируем, морочим
И, свет волнуя и губя,
Тишком смеемся про себя.
Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свет
Из книг французских да газет;
И, верно, всё воображаешь,
Что арлекин остряк и шут,
Философ жизни, умный плут,
Друг Бахуса и всякой снеди
Есть вымысл площадных комедий.
Так было прежде, в старину.
Тогда нас в строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно... Даже не одну
Услугу людям оказали...
Скажу не обинуясь: мир
Вперед мы двигали чудесно.
Когда какой-нибудь безвестный
Нам роли сочинял Шекспир.
Таких Шекспиров было много

Во всех родах. Их здравый ум
Всем и всему судья был строгой.
Их смех был плод глубоких дум...
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И к нам ежжала даже знать,
Чтоб каламбур у нас занять,
Инкогнито!.. Мы беспристрастно
Тартюфов ставили на смех;
Критиковали даже тех,
Кого критиковать опасно:
Известный взяточник и вор
Боялся нас как привиденья;
В делах правленья самый двор
Нас принимал в соображение.
А шарлатанов-докторов,
Сластолюбивых старичков
И легких модников аббатов,
Скупцов и плутов-адвокатов,
Старух охотниц до интриг
Держал в острастке наш язык.
Так в нашем смехе и злословье
Нашли орудье короли,
Чтоб сор мести с лица земли;
И нас любили все сословья:
В них силы наша болтовня
Возобновляла, как лекарство,
Тем в равновесии храня
Все элементы государства.
Пленясь критическим умом
И нашей речи бойкой солью,
Нас свет иной, важнейшей ролью
Решился наградить потом.
Вы гнать умеете пороки,
Сказал, подайте же вы нам
Высокой мудрости уроки!
Как дети вверимся мы вам.
Всей государственной машине
Вы чудный сделали разбор,

Так перестройте ж нас вы ныне,
Да новый мир пойдет с сих пор!
В нас ум всегда был смел и скор.
Вмиг план готов, и ухватились
За труд с уверенностью мы.
Мы к той поре уж поучились
И наши бойкие умы
Уж в философию пустились;
Пьеро надел уже парик,
И точно царь был в царстве книг!
И мы пошли ломать. Трещало
Всё, что построили века...
Грядущее издалека
Нам средь руин зарей сияло...
Но вдруг средь наших сладких снов,
Средь наших пламенных теорий
Мы слышим черни ярый рев:
Как будто вдруг из берегов.
Бушуя, выступило море!..
Мы в ужасе глядим кругом,
И что ж? Как демоны в потемках,
Одни стоим мы на обломках:
Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...
Но это всё тебе известно;
Ты знаешь, как одни из нас,
Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного
Что многим голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А с тем и деньги... Да, мой милой!
Кто раз уж сладко ел и пил.
Тот аппетит уж наострил!
Мы взять попробовали силой
Да не смогли. Ну так постой,

Мы думали, народ пустой!
Подобье вечное Сатурна!
Мы как-нибудь найдем лафу,
И так подденем на фу-фу!
Половим рыбки: море бурно!..
Мир сам пойдет своим путем,
А мы с него свое возьмем
И вот как: решено, что дурно
Всё старое, как сгнивший плод.
Ну, так возьмем наоборот.
Перевернем всё наизнанку,
Взболтаем целый мир, как склянку:
Чему на дне быть упадет,
Чему вверху наверх всплывет!..
То, что считалось безобразным,
Мы совершенством назовем;
Что искони казалось грязным,
Мы в том высокое найдем...
Но, впрочем, эти штуки мелки,
И занимают лишь детей
Литературные проделки.
Тут были вещи покрупней.
Притом у нас литература
Была неважная фигура:
Один слезами тешил дур,
Другой ругался чересчур.
Так что открылась штука эта,
И мир смекнул, стряхнувши сплин,
Что в маске чахлого поэта
Румяный крылся арлекин.
Нет, вот где более отваги!
Смотри-ка, дерзость какова!
Мы появились как маги,
Вещали чудные слова;
Со всем величием пророка
Провозглашали: Нет порока!
Для плоти наступил свой век!
Стыд, совесть робких душ тревога!
В страстях познайте голос бога,

И этот бог есть человек!..
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецов, а особенно жриц
Из жен, скучающих мужьями,
И неутешенных вдовиц.
В своем бессовестном ученье
Открыв всем мерзостям прощенье,
Пустили по свету гулять
Мы Мессалин и Дон-Жуанов,
И куча мелких партизанов
Пошли их роль перенимать.
Они взялись за дело прочно
И, пред испуганной толпой,
Плевали с наглостью тупой
В лицо весталки непорочной,
Им недоступной, им чужой!
Прикрывши грацией бесстыдство,
Они всем блеском сибаритства
Ловили в сети и детей,
Их развращая в цвете дней...
Тут было чистое злодейство,
Но наши новые жрецы
Втирались в мирные семейства
И утучнялись, как тельцы...
Но всё же этим аферистам
Не так проделка удалась,
Как арлекинам-журналистам.
В них оценить ты можешь нас.
Вот знают, где и как ударить!
Вот мастера-то, черт возьми,
Насчет умов в карманах шарить
И слыть честнейшими людьми!
Сбирая дани с муз и граций
Натурой, деньгой, тем и тем,
Они для верных спекуляций
Каких не строили систем!
Уж в чем других не уверяли,
Не веря ровно ничему!

Казалось всем, они лишь знали,
Что не известно никому,
Род человеческий так падок
Ведь на таинственность: они,
Как сфинксы, полные загадок,
Являлись черни в оны дни!
От них услышать голос божий
К ним собиралися толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не целуя их стопы.
И сфинкс, в них разжигая страсти,
Себе прокладывал в тиши
На их плечах дорогу к власти
И с благородства их души
Сбирал тихонько барыши.
Так шарлатанством и коварством
Опять вступили мы в почет,
Опять правленье государством
Вручил нам ветреный народ,
И мы попали в депутаты...
О, если б видел ты палаты!
Вот маскарад-то! Шум и гам!
Куда ни взглянешь тут и там
Всё арлекин на арлекине
В патриотической личине!..
Ну, тут пошел такой кутеж,
Что уж теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Им обещая дать устав,
Как жать, не сеяв, не пахав.
Хоть, правда, два-три человека
Наладить думали ход века,
Да где им? Главная-то часть
Была у нас казна и власть,
В руках голодной черни стоя,
Толпа фанатиков слепая
Да беглецы со всей земли.
Так мы в республику сыграли,

Потом империю создали,
В парламент английский вошли...
И, два враждебные народа
Сдружив для Крымского похода,
На помощь туркам повели...
Всё б это ничего, конечно,
Когда бы в то, что мы творим,
О чем мы пишем и кричим,
Мы верили чистосердечно,
Нет, веры нет в нас на алтын!
Ведь смех: почтенный господин
Громит с трибуны плещут массы,
А подо все его возгласы
В душе витии арлекин
Толпе коверкает гримасы!
Я сам... Да что и поминать!
Увы! Nessun maggior dolore,¹
Как вспоминать про счастье в горе!
Нас стали там уж понимать.
Народ не тот, что пьет и пляшет.
А тот, который жнет и пашет,
Стал дело, кажется, смекать;
А этих пахарей печальных,
Отцов семейств патриархальных,
Взросших средь лесов и гор,
Мы очень трусим с давних пор...
К тому ж еще удар жестокой:
Оскорблена в душе высокой,
Уж видит наша молодежь,
Что силы, ум ее, здоровье
Погибли, защищая ложь,
В великолепном пустословье,
И многие в душе своей
Дают обет от критиканства,
От пустоты и шарлатанства
Предохранить своих детей...
Я думал, уж не дать ли тягу
Да здесь, в России, покутить...
Но как наказан за отвагу!

Не знаю, как и пережить!
Ведь вы одни для нас и грозны.
Вы слишком вообще серьезны.
Я здесь без весу, без гроша.
Иначе тешится Россия!
У ней и в смехе есть душа,
И в шутках думы вековые!
У вас есть вера в вашу Русь
А ведь и камни движет вера!
Нет, я ошибся. Признаюсь,
Уж вот урок-то! Вот карьера!
Мальчишка дергает шнурок,
А я и прыгай что есть ног.
Пока не пустит он шнурочка!..
Послушай, сжался надо мной!
Пусти меня! Сними с гвоздочка!
Мне, право, надобно домой!
Идет к концу арлекинада
Так приготовиться мне надо
Собой украсить мавзолеей
Великих тамошних людей.
Нет большей боли (итал.). Ред.